

НИНА ИНЯКИНА

ЧТОБЫ ЗНАЛИ И ПОМНИЛИ...

Часть 6-я:

*Света,
Светочка,
Светуля...*

*Памяти сестрёнки
Светланы Небогатовой*

КЕМЕРОВО, 2007 – 2011

15 сентября 2007 года моей сестричке исполнилось бы 60 лет. Представить это невозможно, потому что и в 60 она выглядела бы молодой, элегантной, привлекательной женщиной, какой, собственно, она и была всю свою жизнь.

Очень многого не успели мы с ней. Остались большущие, невосполнимые теперь, пробелы. Я так и не побывала у неё дома, куда она меня приглашала после визита к нам с мужем в начале 2006 года. Мы так и не обсудили подробно наши замыслы по поводу папиного 85-летнего юбилея (хотя и она, и я выполнили свои задумки задолго до 5-го октября: у неё, уже после её преждевременной и такой ужасной, нелепой смерти, вышла в свет замечательная книга «М. Небогатов. ПОЭТ. Дневниковые записи разных лет». Я «самиздатом» издала свою книжечку «Чтобы знали и помнили...»).

Мы с моей семьёй – уже без Светы – побывали-таки на папиной малой родине – в городе Гурьевске. Я весной-летом 2007-го года поработала в архиве с папиным (и членов его семьи) наследием: систематизировала переписку (к своему большому удивлению и радости обнаружила и несколько своих, адресованных папе, открыток), почитала рукописи, познакомилась с неопубликованными дневниковыми записями. Свои впечатления могу выразить строкой из папиного стихотворения «...моим открытьям нет предела».

Эти свои заметки-воспоминания о сестричке хочу приурочить так же к юбилею Светланы и приобщить их к папиному архиву.

Старшая сестра
Светы – Нина.

Примечание: в 2011 году внесены некоторые изменения и дополнения в связи с подготовкой к празднованию 90-летнего юбилея нашего папы – Михаила Александровича Небогатова.

ДЕТСКАЯ РЕВНОСТЬ

Папино стихотворение «Легко на воле дышится...» на долгие годы застряло во мне занозой детской ревности к моей сестре. До глубины души ранили меня строчки:

Легко на воле дышится,
 Не воздух – сладкий сок.
 Вдруг «папа, папа» слышится
 Родной мне голосок.
 В цветах – панамка белая.
 Дыханье затая,
 Бежит ко мне несмелая
 Светлана, дочь моя...

Сейчас об этом даже стыдно вспоминать, а тогда...

Папа, по своему обыкновению, прислал нам с мамой очередные свои книжки с дарственными надписями нам обеим. Беру в руки маленькую жёлтенькую книжечку с названием «Солнечные дни», жадно читаю и... натываюсь на это (см. вверху) стихотворение. Обида захлестнула меня. Это не меня, а Свету видит папа, это не со мной, а с ней говорит он, это не моим, а её успехам в учёбе радуется... А что знает он про меня? Что я люблю? Что ненавижу? Какая музыка мне нравится? Какие фильмы смотрю? Какие стихи читаю (и как говорят, неплохо)? Произведениями каких писателей зачитываюсь? Чем люблю заниматься? С кем дружу?..

Я, которая никогда не подойдёт к книжке с невымытыми руками, не загноёт ни одного уголка, вдруг совершенно варварским способом, *в мелкие клочья*, изорвала бедный листочек, на котором это самое стихотворение опубликовано (и сегодня без горькой ухмылки не могу смотреть на книжицу и клееные-переклеенные странички)... До сих пор недоумеваю, как меня мама не наказала тогда за этот жуткий проступок! И плюс ко всему – «с мясом» выдернуты первые странички, где по всей вероятности, были папины надписи на память...

Много лет спустя в моей статье о папином творчестве «Обидно мне за простоту...» я напишу, что, мол, стихи папы поначалу не любила за их *...простоту*. Ну, конечно! Это во мне «сидела» та самая детская ревность, обида.

ПАПИНЫ ДЕТИ

С самого раннего детства я знала от мамы, что у папы – другая семья, где у него трое детей – Света, Саша и Вова, что жену его зовут Мария Ивановна, по-домашнему, Марьяна. Что Света и Вова очень похожи на меня, «копию отца», только они оба светловолосые, почти блондины, а у меня, как у папы, светло-русые, с «пепельным» отливом, волосы.

Детские воспоминания подсказывают, что детей папы я видела, и не раз. Так, например, однажды, очень морозной зимой, их, по самые глаза укутанных в шали, на санках привезли к нам с мамой (жили мы тогда в первой школе, что на улице Николая Островского. Сейчас там – школа милиции). Папа с женой убежали на танцы, в кинотеатр «Москва», а маму попросили посидеть с детьми. Помню, как играла с ребятами, мал мала меньше, «распушив хвост», выложив перед ними всех своих любимцев: тряпичного Хрюшу, целлулоидного пупса Наташку. Наверняка, играла с ними «в школу»: дома всегда водился школьный мел, а гладильная доска была куском чёрной школьной доски (дело в том, что мы с мамой жили у её мамы, моей бабушки Агафьи Николаевны Парфёновой, которая, в свою очередь, жила в семье своего старшего сына – Антона Ивановича, преподавателя математики и директора этой школы).

И таких встреч с детьми папы было немало, просто в памяти немного перепутались даты и события.

Потом, много лет спустя, когда мы все уже были в сознательном возрасте и познакомились поближе, думаю, ребята вспомнили те наши детские встречи.

ПЕРВЫЕ «ПЕРЕСЕЧЕНИЯ» СО СВЕТОЙ

Учились мы – я и Света – в разных школах (я – в первой, Света – в 62-й), но знали о существовании друг друга. Впервые столкнулись на выпускном балу, который проходил в июне 1965 года в городском саду. На открытой танцплощадке в «Зелёном театре» собралась вся молодёжь Центрального района. Среди танцующих я сразу, почти мгновенно, выделила невысокого роста светловолосую девчушку, весело щебечущую и пользующуюся у мальчишек успехом и вниманием. Она, один в один, – я, только «беленькая» (уже тогда было отчётливо заметно наше удивительное сходство). Она, завидев меня, несмело спросила: «Ты – Нина? А я тебя знаю». И быстро, легко и непринуждённо представила меня своему однокласснику, высокому красивому парню по имени, кажется, Славка. Он с удовольствием потанцевал со мной, без конца говоря что-то о нашем поразительном сходстве и неуловимых отличиях со Светой.

Настала пора поступать в институт. Год был очень трудный для этого: выпускались одновременно 10- и 11-тиклассники школ города. Конкурсы в вузы были сумасшедшие. Наплыв абитуриентов был огромный. Но и я, и Света поступили в Кемеровский государственный педагогический институт. Выбрали разные факультеты: она – филологический (это было логично и естественно), а я, уверившаяся в том, что «русский язык я и так знаю», – на факультет иностранных языков, на отделение немецкого языка.

С самого начала возникли «накладки». Девушка, секретарь приёмной комиссии, принимая мои документы, недоумённо пожала плечами: «Небогатова? Странно. Свету – знаю, а тут ещё какая-то Нина...». Я обиделась и рассердилась: «Тебе-то что! Да, я – Нина, и тоже Небогатова. Мы – сёстры. Папа у нас один, а мамы – разные». Девушка не сдавалась: «А чё это ты на немецкий идёшь? У тебя ведь «четвёрка» в аттестате! Не поступишь!..». А я

ей: «Не твоя забота! Поступлю, не волнуйся!»
Неприятный осадок остался надолго.

Но... Прошёл первый семестр. Я, принятая кандидатом (из-за той пресловутой «четвёрки» в аттестате и «четвёрки» на вступительном экзамене по профилирующему предмету, т.е. немецкому языку), успешно сдал экзамены, стала полноправной и полноценной студенткой, а Света вскоре ушла из института, скорее всего, по семейным обстоятельствам – доучивалась на журналиста она потом в университете в Свердловске. Это я узнала позднее из писем Светы как из Свердловска, так и из Углегорска, Биробиджана и Хабаровска, где она жила и работала и растила своих сыновей Мишу и Вову. Какой теплотой и заботой проникнуты её письма, какой замечательной дочерью, сестрой, женой и матерью предстаёт она в них! Сколько трудностей и лишений пришлось ей вынести! Как мужественно, не по-женски, она боролась и преодолевала их! Каким тонким юмором, острыми и меткими наблюдениями о жизни, о коллегах по работе, профессиональными комментариями о папином творчестве полны её письма! Читала их, и невольно сравнивала Свету с Сергеем Довлатовым – великолепным рассказчиком и бытописателем. Эх, издать бы Светочкины письма – тут есть чему улыбнуться, над чем взгрустнуть, чему научиться!

Помню и первое Светино появление в нашей семье. Было это летом, после окончания мною первого курса. Я со школьной скамьи увлекалась игрой в настольный теннис. В институте записалась в секцию, с удовольствием там занималась. И вот, как всегда, играю я на теннисном корте в горсаду со своим тренером, студентом спортивного факультета Сашей Меньшиковым, обыгрываю его. Публика вокруг торжествует, над Сашей подтрунивают: ты что же, мол, такой малявочке проигрываешь! И тут подходит ко мне Света. «Нина, здравствуй! Не хочешь прогуляться?». «Пойдём, – говорю, – мне

надо немного остыть». И каким-то жестом убираю прядь волос со лба. А Света: «Боже мой, у нас и пальцы с тобой одинаковые, папины, и движения у тебя такие же, как у меня, и росточка-то мы одного, и овал лица, и родинка на щеке – ну до чего же похожи!».

Побродили по Набережной, перешли на мою улицу, Весеннюю, оказались перед нашим домом. «Зайдём к нам», – предлагаю. А Света: «Зайдём!». Мы поднялись домой, мама нас приветливо встретила, накормила чем-то вкусным. Мы заметили, что Света очень быстро ела, а она, смущаясь, говорит: «Вы не обращайте внимания, это я по привычке – журналистка... Всегда и всё на бегу. Я всегда так быстро ем. Спасибо, всё было очень вкусно!».

Папа потом звонил маме и говорил, что Свете у нас очень понравилось. А вскоре и я побывала у Светы на дне рождения...

Самым ярким впечатлением остался мой самый первый визит в папину семью. Случилось это совершенно неожиданно для меня. Было это летом 1966 года, накануне моего 20-летия. Я с другом, после многочасового пребывания на пляже (на острове в центре города со спуском с Набережной улицы), загорелая до черноты, прогуливалась по городу. Бродили по Весенней, Советскому проспекту... Незаметно дошли до дома, где, как я знала, жил папа. Друг меня и спрашивает: «А ты знаешь, где живёт твой отец?». Я говорю: «Конечно, знаю. В этом доме (и показываю на дом с номером 67 – теперь это дом № 31), в 52-й квартире». А друг говорит: «Давай зайдём!». Я, испуганно: «Ты что, с ума сошёл? Я даже не знаю, как мне обратиться к отцу – то ли «ты», то ли «вы». А друг настойчиво: «Ну, давай всё же зайдём. Не убьют же тебя!». И мы поднялись на третий этаж, встали перед дверью. Друг (а он был выше меня на три головы, спортсмен, мастер спорта) позвонил в дверь. Руки вокруг меня, взяв таким образом в кольцо, упёр ладошками в

дверь, так что выскочить я не смогла бы. Услышав шаги за дверью, молнией слетел вниз. А я, растерянная и испуганная, осталась перед дверью, которая распахнулась, и на пороге предстало всё семейство: папа в пижаме со спущенной лялочкой белой майки, Мария Ивановна, ребяташки... Кто-то произнёс: «Ой, Ниночка...». Потом кто-то ещё: «Ой, как на нас похожа!..». И вот – полный провал в памяти. Если вошла, то сколько там пробыла, о чём говорили, когда и как ушла домой?.. Ничего не помню! Помню только, что после дома раздался телефонный звонок, и папа вместе с Марией Ивановной просили маму о том, чтобы я подружилась с детьми. Они, мол, устроили скандал родителям за то, что не знали, что у них есть старшая сестра, и предъявили ультиматум: Нина должна бывать у них в доме и дружить с детьми, а родители не должны этому препятствовать. Да папа с женой и не думали препятствовать! Наоборот, они посчитали, что я на ребят произвела хорошее впечатление и оказала хорошее влияние.

Вскоре после этого моего спонтанного визита я вновь попала к папе домой: была приглашена на Светин 19-й день рождения. Хорошо помню этот день – тёплый и солнечный. У Светы было много гостей, друзей и подруг. Мальчишки, Саша и Вова, были тоже дома. Родителей не было. Видимо, предоставили Свете свободу, дабы не смущать своим присутствием.

Помню, как меня несколько насторожило присутствие среди гостей довольно великовозрастных парней, а в открытом застеклённом (зеркальном), встроенном в стену, баре – наличие большого набора спиртных напитков. Какой-то из парней навязчиво стал ко мне приставать, Света, завидев это, отрезала: «Не трогай! Это моя сестра!» Парень отстал, но настроение было испорчено.

Придя домой, я это своё недовольство выразила категорично, заявив маме: «Ты знаешь, притворяться и врать я не умею. Дружить с ребятами у меня,

видимо, не получится. Не знаю, как ты скажешь об этом папе, но у меня нет желания продолжать отношения. Мы слишком разные».

Наверно, это было сделано сгоряча, но я и в самом деле там больше не появлялась, о чём родители, да и ребята, наверно, тоже, сожалели. Тем не менее, подарки к моему дню рождения то ребята (я имею в виду мальчиков), то Света приносили мне каждый раз. Однако потом встречи наши сошли на нет, да это и понятно: мальчики ушли в армию, а Света уехала учиться.

Потом от папы мы узнали, что Света стала журналисткой, вышла замуж, уехала на Дальний Восток, родились у меня племянники: Миша и Вова.

МИМОЛЁТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Со Светой или с Марией Ивановной жизнь сталкивала нас не часто, но эти встречи были запоминающимися. С папой – что ни встреча, то «смех и грех».

Ну вот, например. Я работала после окончания института учительницей немецкого языка в средней школе № 40. Там же, в этой школе, как я узнала потом, учился Вова, наш младший брат. Моя напарница, учительница английского языка Софья Анатольевна Дубневич, так же, как когда-то девушка из приёмной комиссии в институте, недоумённо и как-то подозрительно встретила меня: «Странно. Всех Небогатовых знаю, а тут ещё какая-то Нина...». Относилась ко мне недоверчиво и с явной антипатией до тех самых пор, пока я не засобиралась уходить из школы на комсомольскую работу. Однажды в учительской говорит мне: «Удивительно, Небогатова, а дети-то на языке говорят...» (я преподавала не только немецкий, но и английский языки, и мои ученики переходили от меня к Софье Анатольевне). А я, помнится, ответила: «Ну, видно, «плохая» я учительница, коли дети говорят, и неплохо...». Вот ведь как бывает: я только теперь из Светиной книги

узнала, что Софья Анатольевна была классным руководителем Вовы, её младшего брата, вместе с которым она потом и погибла...

Как-то раз родители моих учеников попросили меня, чтобы я пригласила папу в школу, и чтобы он почитал детям свои стихи. Не могла же я объяснить им, что я его практически не знаю, общаюсь с ним крайне редко и не могу его пригласить. Пришлось просить маму. Она позвонила отцу, он с радостью ухватился за это приглашение, тем более что школа ему знакомая. Пришёл. В актовом зале полно учеников. Читает он свои стихи, а сам глазами ищет... меня. А я спряталась за спины учеников – и не дышу. Так он меня и не увидел – ни когда отвечал на вопросы, ни когда его провожали, благодаря за прекрасную встречу.

Вечером звонит маме и спрашивает: «А Ниночка-то была?» Мама говорит: «Ну, а как же! Она же «организовывала» встречу!» Он очень долго потом досадовал, что так и не повидался со мной.

Или вот случай, когда я ещё была пятикурсницей и проходила педагогическую практику в своей родной первой школе. Преподавала немецкий и была классной руководительницей в 10-м «А». Как-то раз ребяташки просят меня: «Нина, а давай попросим твоего отца составить нам для КВНа приветствие команды в стихах!» Я не знала, что и делать. Опять рассказала всё маме, а она говорит: «Ну, почему бы и нет. Давай я поговорю!» Позвонила. Он, как всегда, с готовностью откликнулся. Я с ребятами-старшеклассниками, (было их человек 5-6), иду по уже знакомому адресу. Заходим. Здравуемся. Объясняем суть нашей просьбы и... садимся, ждём?!.. Вот, мол, сейчас, он напишет в своём рабочем кабинете – и приветствие у нас в кармане!.. Ну, не чудаки ли? Кто же так пишет – на заказ, да ещё моментально! Это уже потом, с годами, я поняла абсурдность ситуации. А тогда... папа приветствие,

конечно, написал, и мои ученики замечательно выступили и даже, кажется, победили...

Были встречи и другого рода. В 1987-м году, когда папа перенёс свой первый инсульт, меня встретила Света около драмтеатра и, с заплаканными глазами, попросила сходить к папе в больницу. Мария Ивановна просила о том же. И вот я, набравшись смелости, пошла на свидание в больницу у крытого рынка (там теперь областной госпиталь). Взяла с собой бутылочку йогурта и букетик цветов – красивых, пахучих (!) нарциссов. Пришла. Мария Ивановна меня встретила и провела в палату. Вхожу. На меня *моими* глазами смотрит большой *незнакомый* человек – мой папа. Так болезнь его изменила! Мария Ивановна и говорит: «Мишенька, Ниночка пришла». Он повторяет: «Ниночка пришла» и пытается улыбнуться. Потом сам: «Похудела...». А я: «Да нет. Это просто платье широкое...». Внезапно в палату влетела медсестра и строго нам с Марией Ивановной бросила: «А ну, девочки, вон отсюда!» У папы в горле началось какое-то клокотание, и ему нужно было срочно отсасывать образовавшуюся мокроту.

Мы вышли, а Мария Ивановна деликатно так говорит: «Ниночка, а цветочки эти папе в палате оставлять нельзя – видишь, он задыхается». Да и в самом деле, ну подумала бы сама... Разве можно цветы, да ещё с таким терпким, удушающе сладким, запахом!..

И ещё – одна из самых горьких встреч. Это уже в марте 1990-го... Однажды раздаётся звонок. Мама берёт трубку – и почти роняет её... Мария Ивановна: «Здравствуйте, Антонина Ивановна. Миша умер. Ниночка будет на похоронах?» Мама, сдерживая слёзы: «Мы, с Вашего позволения, все будем». И вот мы – мама, мой брат Андрей с женой Ириной, я, мой сын Павлик – в Клубе коксохимзавода, где будет проходить гражданская панихида. Появляются Света, Мария Ивановна. Катафалка пока нет. Мария Ивановна, поочередно, обнимает нас с мамой и

говорит: «Простите, простите меня!..». Ну, тут уж мы все в голос заплакали. Горе-то одно!

Привезли гроб, поставили в вестибюле, перед входом в зрительный зал. У гроба на скамеечке из зрительного зала сели: мама, Мария Ивановна, Света, я. Позади, на приставных стульях, какие-то женщины. Сидят и, поглядывая на мою маму, довольно громко (до неприличия!) шепчутся: «А это кто? Его сестра?». Мне так стало обидно и больно, я даже хотела их урезонить, усювестить, да Света меня остановила: «Ладно, Ниночка, Бог им судья!..».

Потом, на кладбище, наши со Светой дети, папины внуки – Миша, Вова, Павлик – несли его орденские подушечки, и Света мне время от времени нашёптывала: «Как бы я хотела, чтобы наши дети подружились...».

Несколько лет спустя нас – меня с мамой и сыном – вновь пригласила Мария Ивановна: на доме, где раньше жил папа и где я побывала у него в гостях, открывалась мемориальная доска. Помню, что это было 16 апреля 1993 года. Доску эту потом несколько раз разбивали, снимали, а Света восстанавливала.

Когда умерла моя мама – папина первая жена – у нас дома, среди пришедших попрощаться с ней, я видела и Марию Ивановну (встретилась с ней глазами и кивком поблагодарила её). А вот когда до меня дошла весть о её смерти – не смогла набраться сил, чтобы пойти проститься с ней – слишком тяжело это было: потерять ещё одного близкого человека.

Последняя наша встреча (при жизни) со Светой состоялась зимой, в начале 2006 года, в феврале или марте. Приходила она ко мне с коробочкой конфет «Коркунов» и шикарными, огромными ярко-красными цветами, сама вся в красном – такая красивая и стильная женщина. Я ещё, помню, отпустила в её адрес восхищённый комплимент, на что она смущённо ответила: «Ну, что ты...». Попили чай, поговорили о чём-то. Я завела разговор о предстоящем папином юбилее. Светочка с

готовностью откликнулась, сказав, что, конечно, мы что-нибудь сделаем вместе. «Я, – говорит, – постараюсь привести в порядок папины дневниковые записи, потом и у тебя попрошу кое-какие фотографии. Дашь?». Я ответила: «Ну, конечно, какой может быть разговор – надо так надо! Ну а я попробую собрать воедино все имеющиеся у меня газетные публикации, среди которых много твоих, и подготовить книжечку, дома, на своём компьютере. Главное, чтобы нам успеть сделать всё до 5-го октября». Света согласилась. И добавила: «А ещё, Ниночка, обязательно съездим на папину родину, в Гурьевск, ладно?». Тут уж с радостью согласилась я, тем более что всегда хотела побывать в местах, где начиналась папина биография.

На том и расстались, договорившись созвониться. И вот – страшная весть: Света и Вова (младший брат, у которого она часто бывала, опекала его по-сестрински)... погибли. Мне сообщили, что 20-го апреля похороны, поинтересовались, буду ли я... Конечно, мы с сыном были. До сих пор в душе мороз от безысходности, от невозможности что-либо изменить, исправить... И от жестокости происшедшего, от невосполнимости утраты, от навалившейся тяжести, пустоты... и ощущения сиротства.

ЕДИНСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Теперь, когда Светы не стало, особую ценность для меня приобрело единственное Светино письмо ко мне, которому раньше я не придавала бы большого значения: письмо как письмо. Но, вчитываясь в него, перечитывая вновь и вновь, испытываю чувство светлой грусти оттого, что так несправедливо распорядилась жизнь Светиной (да и моей) судьбой. Виделись не часто, но всякий раз это было радостно для нас обеих: делились новостями, гордились своими сыновьями и их успехами, огорчались, если случалось что-нибудь неприятное... Так, в предпоследний раз

мы столкнулись в здании на Соборной, 8, где обе приобретали компьютеры. Обменялись номерами телефонов и адресами (записочку с номером телефона храню до сих пор!). И... расстались надолго. О том, что случилось, я и узнала из Светинового письма. Привожу его полностью (см. вкладку).

По телефону мы созванивались довольно часто. Трубку, как правило, брал младший сын Светы Вова. Приятный бархатный голос говорил мне, чаще всего, что «Светланы Михайловны ещё нет дома». Света, действительно, очень много работала и была занята допоздна. Результатом этой работы стала её огромная книга (в подарочном варианте), посвящённая юбилею 3-ей городской клинической больницы города Кемерово. Один экземпляр этой шикарно изданной книги Света показала мне однажды, торопясь в очередной раз к младшему брату Вова. Подарить мне эту книгу не смогла, так как приготовила её в качестве подарка брату.

В один из своих последних визитов к нам Света подарила мне книгу папы «Перепёлка». Ту самую, которая вышла в свет в Москве через долгих 8, а то и 9 лет, да ещё с огромным количеством досадных опечаток. Очень сожалела, что не может подарить мне последних книжек «Времени река» и «Благодарю, благодарю», вышедших уже после папиной смерти. К моему счастью, книгу «Времени река» мне довелось прочитать и даже написать свой отклик (это я о своей статье в газете «Родник сибирский» в 1993 году). А вот о «Благодарю, благодарю», увы, не имею никакого представления: видела издавека, а в руках не держала...

Поработав в архиве с папиным наследием, я прочитала все Светины письма, адресованные родным. Читала их – и то улыбалась, то плакала. Как будто поговорила с сестричкой. И поняла: у меня была замечательная сестра! Мне её всегда будет не хватать!

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Получилось так, что замысел Марии Ивановны – привести в порядок дневниковые записи Михаила Александровича – осуществила Света, хотя и не успела увидеть своё творение. Я раздобыла её книгу (спасибо Департаменту культуры Администрации области и Мише, старшему сыну Светы!). Посчитала своим долгом обязательно как-то откликнуться на это событие, и поэтому сразу по прочтению книги написала свою статью в газету «Кузбасс» (благодарю за содействие в публикации Бориса Васильевича Бурмистрова), а в газете «Земляки» на основе переданных мною журналистке Людмиле Ольховской материалов появилась статья к юбилею папы под названием «Осенний лист, кружась, упал в строку...». И вот теперь, чтобы уж полностью выполнить и мой дочерний и сестринский долг, я позанималась в архиве и постаралась внести свой посильный вклад в упорядочение документов, знакомства с которыми уже много лет ждут поклонники таланта кузбасского поэта Небогатова. Пример его семьи, отношений, царивших в ней, может многим послужить образцом высоких отношений любящих людей, объединённых не только семейными узами, но и общностью и цельностью интересов, взглядов, творчеством, отношением к жизни и к окружающим.

4 апреля 2008 года в музее «Красная горка» состоялась презентация Светиной книги о папе и его творчестве. Я узнала об этом и позвонила в музей, расспросила, когда и кто всё организует. Обещала подарить музею свою книгу «Чтобы знали и помнили...». От своей двоюродной сестры Нины получила в подарок газету «Кузбасс» с заметкой об этой презентации. Прочитала – и как будто побывала там. Спасибо Мише, что таким образом исполнил свой сыновний долг. Мамочка его этого заслуживает! Да и дед был бы доволен...

Примечание: Книжку «Чтобы знали и помнили...» я, как и обещала, передала в фонды музея 7 сентября 2008 года.

Мой отклик на книгу Светланы Небогатой «Михаил Небогатов. ПОЭТ. Дневниковые записи разных лет»

В редакцию газеты «Кузбасс»

СПАСИБО ТЕБЕ, СЕСТРЁНКА!

Случилось очень важное событие в моей, и, надеюсь, не только в моей, жизни: увидела свет замечательная книга «Михаил Небогатов. Поэт. Дневниковые записи разных лет». В предисловии к книге сказано: «Выражаем признательность Губернатору Кузбасса А.Г. Тулееву за помощь в издании книги». А я от себя добавлю: и издателям Ю. и Д. Сергеевым. Казалось совершенно невероятным, что она, эта книга, когда-нибудь появится, и, уж тем более, выйдет как раз к 85-летнему юбилею поэта. Дело в том, что у автора-составителя – трагическая судьба. Светлана Небогатова, дочь поэта, погибла в апреле нынешнего года, но дело всей своей жизни (не побоюсь столь высокопарных слов!) она всё же успела завершить! Скажу больше: она совершила гражданский подвиг, оставив после себя такой заметный след! На пьедестал, на заслуживающую того высоту подняла человека, чьё имя каких-то шестнадцать лет назад было известно, без преувеличения, всем. Михаил Александрович Небогатов – это человек, с которого, собственно, и начиналась кузбасская писательская организация. Многие сегодняшние поэты и писатели, журналисты хотя бы один раз в своей жизни встречались с ним. Кто-то учился у него, кто-то просто творил в одну с ним эпоху.

Начинаешь читать книгу, и совершенно невозможно оторваться. Поражает правда, искренность, исповедальность дневниковых записей.

В них всё: сомнения, поиски, огромная работоспособность, постоянная неудовлетворённость сделанным, высочайшая требовательность к себе и к избранному делу, жесточайший труд над самим собой и над словом, с которым поэт идёт к своему читателю. В этих записях Михаил Александрович предстаёт не только как лирик, но и как гражданин – честный, открытый, бесхитростный, абсолютно беззлобный, доброжелательный, жизнелюбивый, но, если того требуют обстоятельства, жёсткий и последовательный в достижении истины и справедливости. Мы видим его в различных жизненных ситуациях, порой, очень нелёгких и даже трагических, но нигде он не выглядит слабым или требующим к себе сочувствия. Это – сильный человек. Такому безоговорочно веришь: он не подведёт, не предаст, не продаст!

Светлана проделала колоссальную работу. Как ей удалось из такого множества совершенно разных по характеру, настроению, тематике записей создать цельный, всесторонний портрет автора дневников? Да и почти сорокалетняя хронология впечатляет! За этими записями отчётливо виден живой человек, во всех его проявлениях. Мы как будто слышим голос самого Михаила Александровича, который неспешно рассказывает нам о себе, о литературе в его жизни и творчестве, о людях, которые его окружают, о семье и любви, о сотрудничестве с периодическими изданиями и книжным издательством и об отношениях с братьями по перу. Бросается в глаза его уважительное отношение к людям, кем бы они ни были: коллеги по творческому цеху или почитатели его таланта. Для каждого у него найдётся доброе слово, светлая краска. Восхищает широта интересов и увлечений, огромная жажда жизни.

Становится понятно, что жил среди нас добрый, умный, высокопрофессиональный человек, которому было трудно, но очень интересно жить. И всё это находит яркое тому подтверждение в его стихах –

светлых, добрых, очень образных, жизнеутверждающих. Понимаешь, что он, как в зеркале, отражается в этих стихах. Читаешь их – и на душе становится светло, спокойно, радостно.

Дополнительные штрихи к портрету поэта и писателя – в его любимых цитатах и изречениях, а также в анкете. Колоритны также немногие, но довольно характерные фотоснимки.

Замечательно, что в такой большой книге нашлось место и для стихов поэта, которые, как сказала во вступительной части Светлана, «не видят света почти столько же времени», сколько поэта нет с нами. Тем, кто не знал его и его творчества, будет, конечно, небезынтересно с ними познакомиться. Думаю, что стихи Небогатова и поэзия вообще станут теперь ещё более привлекательными и найдут своих единомыслителей.

В эту работу вложено много души и сердца. В завершение скажу: «Спасибо тебе, сестрёнка! Ты сделала всё, чтобы возродить имя и творческий подвиг Поэта!».

***Нина Инякина (Небогатова),
г. Кемерово, октябрь, 2006 г.***

ПРИМЕЧАНИЕ: Эта статья была опубликована в газете «Кузбасс» в рубрике «КРУГ ЧТЕНИЯ» в номере за 29 декабря 2006 года под заголовком «Моим открытиям нет предела». Статью немного сократили и дополнили некоторыми стихами М. Небогатова и рисунком Валерия Илиндеева.

НЕОБХОДИМОЕ ДОПОЛНЕНИЕ:

Готовясь к 90-летнему юбилею папы, я обрела новых знакомых, имеющих отношение к нашей семье. Так, например, через журналистку Наталью Милютину (газета «Наши земляки. Кузбасс»), которая опубликовала мои заметки о папе в номере за 14 октября 2011 года, я узнала номер телефона ветерана

ОАО «Химволокно» Риммы Николаевны Качур, которая занимается пополнением экспозиций музея этого предприятия. Выяснилось, что Светлана была одним из трёх редакторов заводской многотиражки «Трудовое знамя» (работала в 1999 – 2003 гг.). И вот для музея понадобилась фотография моей сестры.

Созвонились, а потом и встретились с Риммой Николаевной. Я передала Светины фотографии (из её книги о папе «Михаил Небогатов. Поэт. Дневниковые записи разных лет») и некоторые другие материалы о папе и его творчестве. Разговорились. Римма Николаевна подарила мне несколько экземпляров выпусков многотиражки со статьями Светы о нашем отце, а один номер – особенно ценный для меня – со словами прощания со Светой (вместо некролога).

Эти тёплые, искренние, душевные слова в адрес Светы разбередили душу. Несмотря на печальный повод, по которому они написаны, я испытала ещё и гордость за свою погибшую сестрёнку. Ведь именно такой я её и знала!

Считаю необходимым поместить эту заметку здесь, чтобы дополнить портрет светлого и очень хорошего человека, память о котором сохраню до конца своей жизни. В следующем году у Светланы был бы 65-летний юбилей. И эти слова о ней – как нельзя кстати!

И ещё один факт: пять лет назад, когда я только-только собиралась готовить свою книжку о папе, в одном из разговоров однажды услышала: «А Вы знаете, что Ваша сестра – Светлана Михайловна – пишет прекрасные новеллы?» Ну, откуда же мне было знать об этом? Со Светой разговоров на подобные темы никогда не возникало. Она знала, что я пишу рифмованные мысли, а о ней мне было известно только одно: что она профессиональная, и очень хорошая (!) журналистка.

Недавно я получила возможность прочитать одну из таких новелл – получила её из рук всё той же Риммы Николаевны (за что огромное ей спасибо!). И,

конечно же, сразу захотелось поделиться этой для меня новостью.

Приведу здесь эту новеллу (под названием «Игрушка»).

Памяти товарища

18 апреля 2006 года трагически погибла Светлана Михайловна Небогатова, редактор газеты «Трудовое знамя» (1999 – 2003 гг.).

С БОЛЬЮ И ПРИЗНАНИЕМ

*...Ах, как часто, искренность любя,
Избегая слов и дел фальшивых,
Мы привыкли сдерживать себя
В самых добрых чувствах и порывах!
Перед кем-то очень дорогим,
Запираемся душой чуткой,
Обходясь молчанием глухим
Или просто грубоватой шуткой.
Если б знал ты, доброе тая,
Проходя с застенчивостью мимо,
Что как раз признательность твоя
Человеку так необходима!..*

Михаил Небогатов

Настоящий профессионал, журналист высокого класса и высококвалифицированный редактор. Начиная свою карьеру, я обижалась на её правки, казалось, мои слова имеют ценность, а их несправедливо уничтожили. Она терпеливо объясняла правила стилистики и отдельные журналистские приёмы, особенности многотиражки и локальность аудитории. Она не признавала диктофон и писала только в маленьких записных книжках. Рукописные варианты, набранные на клавиатуре, оставались «живыми». Её тексты, насыщенные образами, были краткими и содержательными.

Она всегда улыбалась, любила выглядеть эффектно и оставалась женщиной во всём – иногда кокетливой и болтливой, иногда серьёзной и сдержанной. Никогда и никому не отказывая в помощи и редко жалуясь, она старалась быть независимой и самостоятельной. Она свято чтит память своего знаменитого отца и сумела привить любовь к его произведениям не только читателям нашей газеты. Она оставалась любящей мамой для своих взрослых сыновей и преданной сестрой младшего брата. Она привыкла быть Опорой и Авторитетом, Любовью и Нежностью для мужчин своей семьи.

Недосказанность мыслей и некий ореол загадочности. Я не могла понять до конца женщину, которая прятала свою душу за ширмой гордости, так тонко граничившей с незащищённостью и слабостью. И никогда не смогу, потому что эта весна стала для неё последней. Она оставила нам наследство – свои рубрики, статьи, очерки и книги.

И здесь я бы поставила многоточие, но она не любила многоточий.

Ставлю точку, с Болью и Признанием.

*Татьяна КИКИНОЙ,
редактор газеты «Трудовое знамя»*

Режиссёр по имени жизнь

ИГРУШКА

Наверное, ни у кого в этом большом городе не было таких ярко-зелёных сияющих глаз и белозубой улыбки, как у Насти. Но самым привлекательным в ней было то, что она не осознавала своей красоты, не кичилась талантами (а их у неё было много), жила с лёгким сердцем и распахнутым всему миру душой.

Мальчишек-поклонников не высмеивала, но держала на расстоянии, вниманию взрослых мужчин наивно удивлялась. Много читала о любви и ждала своей.

И вот однажды... Володя, которого она видела чуть ли не каждый день, показался ей совсем незнакомым, взрослым и... желанным. Она и не заметила, как из застенчивого мальчугана, который стеснялся своего крупного носа и прикрывал его рукой, он превратился в красивого юношу. Взгляд его ещё был несмел, но мужественность уже проснулась.

Он увидел растерянность Насти и понял её верно.

Любовь её была безрассудной, как стихия. Три счастливых года пролетели, словно один миг. Все, кто их знал, не сомневались, сто эта пара так и останется неразлучной. Как говорится, мирком да за свадебку...

Володя рос в семье, в которой жили трудно. Мама одна кормила-одевала двух мальчишек. И хотя работала она много, изнурительно, нужда всё время стояла у порога.

Володе виделась другая жизнь – достаток, комфорт, влиятельные друзья...

Настю он не любил, лишь позволял любить себя. Порой его тяготила её привязанность, но всё же лестно было обожание такой эффектной девушки. О браке он думал, но видел женой девушку из солидной, обеспеченной семьи.

Маша была хорошенькой инфантильной девушкой, для которой слово родителей – закон. Поэтому она не стала перечить маме, когда та сказала: «Мы с папой нашли тебе жениха». Машин отец работал в институте, где учился Володя, и заметил парня: «Напористый, честолюбивый, видать, такие девчонкам нравятся. Надо будет дочке показать...»

Настя с Машей не были близкими подругами. Маша пригласила Настю на чашку чая. Поговорили о том, о сём, и тут взгляд гостя остановился на сувенире – мягкой игрушке. Игрушка как игрушка, вот только Настя узнала её! Отец привёз из Германии, и она подарила её на день рождения Володе, своему любимому!

– Откуда она у тебя? – не скрыла удивления.

– Да один знакомый подарил, ты его не знаешь. Мой жених... – и назвала имя.

Не помня себя, девушка вышла на улицу. Дома дала волю слезам. И всё же не могла поверить: неужели он обманывал её?

...Он больше не пришёл к ней. Не нашёл мужества объясниться. И это было красноречивее всех слов. Через некоторое время Настя узнала, что Володя женился на Маше, получил хорошее место после окончания института по протекции тестя.

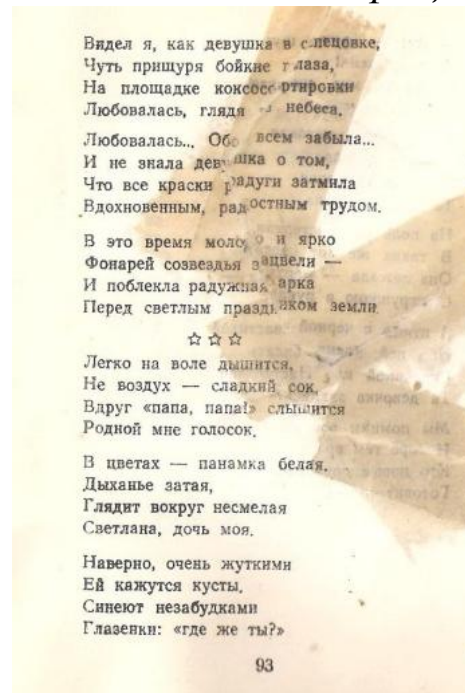
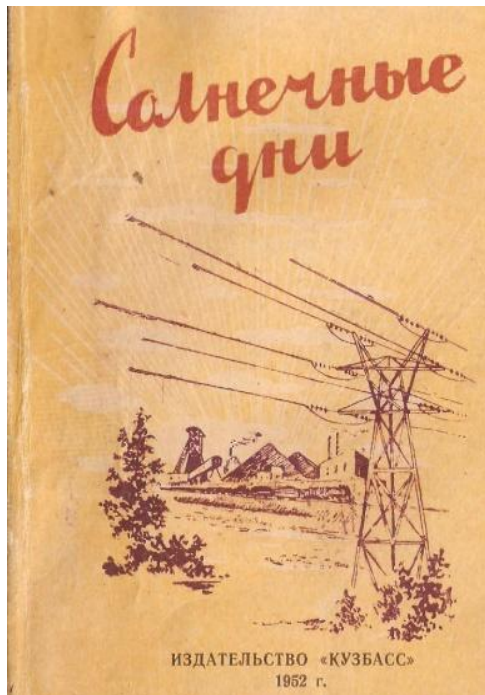
Ребёнок, которого ждала Настя, так и не появился. А семья у Володи с Машей не сложилась.

Настя после смерти родителей осталась совсем одна. Залечить такую душевную рану не смог даже самый великий лекарь – время.

Светлана Небогатова.

// Трудовое знамя (газета кемеровской акционерной компании «Химволокно») – № 3 (1116) март 2001 – с. 4.

Вкладка с иллюстрациями:

*Та самая книжка,
которую я изорвала из детской ревности*

19 сентября 2005г.

Здравствуй, дорогая Нина!
 Я очень виновата перед то-
 бой, это не смогла време-
 мя ответить на твои
 теплые новогодние поздрав-
 ления и высказать свое
 мнение по поводу твоей
 литературного творчества.
 Как говорится, лучше
 поздно, чем никогда.
 Дело в том, что у
 меня в квартире в тот
 период шел капиталь-
 ный ремонт, и я куда-то
 по неосторожности положила конверт с твоим
 адресом, а тем, и со-

- 2 -

маленько потеряла
 совсем. Ты на меня
 ради бога, не сердись.
 Я тебе люблю, сестрич-
 ка.
 Вспомнила, когда у тебя
 день рождения, но никак
 пришло 3 октября, но
 уверенности нет.
 Подарюста, поздрав
 мне. Яч. 35-00-33,
 сот. 8-923-611-86-91.
 Твоя Нина
 Привет твоему
 мужу Павлу.
 Буду с кефирчиком
 твоего звонка, надеюсь
 на встречу. Света.

Единственное письмо Светы ко мне
 (от 19 сентября 2005 года)

*Три снимка из Светиной книги
«Михаил Небогатов. Поэт. Дневниковые записи
разных лет»:*

*Составитель книги дочь поэта
Светлана Небогатова*

Михаил Александрович и Мария Ивановна Небогатовы с детьми

*Дети на снимке (слева направо): Света,
Вова и Саша*

*Светлана в юности, в пору
нашего с ней знакомства*

У гроба с телом Михаила Небогатова (слева направо): я (Нина), Антонина Парфёнова (первая жена поэта, моя мама), Мария Ивановна (вдова), Светлана. Сзади, за Светой, стоит Вова

*Последний приют Вовы и Светы
(г. Кемерово, кладбище № 4, 1-й квартал,
3-я аллея)*

*Фото Н. Инякиной
25 июня 2011 г.*

Памяти товарища

С БОЛЬЮ И ПРИЗНАНИЕМ

*...Ах, как часто, искренность любя,
Избегая слов и дел фальшивых,
Мы привыкли сдерживать себя
В самых добрых чувствах и порывах!
Перед кем-то очень дорогим,
Запираемся душою чуткой,
Обходясь молчанием глухим
Или просто грубоватой шуткой.
Если б знал ты, доброе тая,
Проходя с застенчивостью мимо,
Что как раз признательность твоя
Человеку так необходима!..*

Михаил Небогатов

Настоящий профессионал, журналист высокого класса и высококвалифицированный редактор. Начиная свою карьеру, я обижалась на ее правки, казалось, мои слова имеют ценность, а их несправедливо уничтожили. Она терпеливо объясняла правила стилистики и отдельные журналистские приемы, особенности многотиражки и локальность читательской аудитории. Она не признавала диктофон и писала только в маленьких записных книжках. Рукописные варианты, набранные на клавиатуре, оставались «живыми». Ее тексты, насыщенные образами были краткими и содержательными.

Она всегда улыбалась, любила выглядеть эффектно и оставалась женщиной во всем – иногда кокетливой и болтливой, иногда серьезной и сдержанной. Никогда и никому не отказывая в помощи и редко жалуясь, она старалась быть независимой и самостоятельной.

Она свято чтит память своего знаменитого отца и сумела привить любовь к его произведениям не только читателям нашей газеты. Она оставалась любящей мамой для своих взрослых сыновей и преданной сестрой младшего брата. Она привыкла быть Опорой и Авторитетом, Любовью и Нежностью для мужчин своей семьи.

Недосказанность мыслей и некий ореол загадочности. Я не могла понять до конца женщину, которая прятала свою душу за ширмой гордости, так тонко граничившей с незащищенностью и слабостью. И никогда не смогу, потому что эта весна стала для нее последней. Она оставила нам наследство – свои рубрики, статьи, очерки и книги.

И здесь я бы поставила многоточие, но она не любила многоточий.

Ставлю точку, с Болью и Признанием.
Татьяна КИКИНОЙ,
редактор газеты «Трудовое знамя»

18 апреля 2006 года трагически погибла
Светлана Михайловна Небогатова,
редактор газеты «Трудовое знамя»
(1999-2003гг).

Из газеты «Трудовое знамя» ООО «Химволокно Амтел-Кузбасс» – № 5 (1181) Май 2006 – с. 4.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Нина Инякина. СВЕТА, СВЕТОЧКА, СВЕТУЛЯ... ..	4
Мой отклик на книгу Светланы Небогатовой «МИХАИЛ НЕБОГАТОВ. ПОЭТ. ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ РАЗНЫХ ЛЕТ»	17
Необходимое дополнение	19
Татьяна Кикиной. С БОЛЬЮ И ПРИЗНАНИЕМ	21
Светлана Небогатова. ИГРУШКА	22
Вкладка с иллюстрациями	24

*Литературно-художественное
издание*

НИНА МИХАЙЛОВНА ИНЯКИНА

ЧТОБЫ ЗНАЛИ И ПОМНИЛИ...

Часть 6-я:

СВЕТА, СВЕТОЧКА, СВЕТУЛЯ...

Нина Инякина. **ЧТОБЫ ЗНАЛИ И ПОМНИЛИ...**
Часть 6-я: **СВЕТА, СВЕТОЧКА, СВЕТУЛЯ...** /
Памяти сестрѐнки Светланы Небогатовой. –
Кемерово, 2007 – 2011, 31 с.: ил.

